

Г.Д. Гловели

*д.э.н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)*

Е.А. Минаева

*студентка, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)*

КРИТИЧЕСКОЕ И НЕКРИТИЧЕСКОЕ СМИТИАНСТВО ГЕНРИХА ШТОРХА, ИЛИ ДЕСНИЦА И ШУЙЦА «СИСТЕМЫ ЕСТЕСТВЕННОЙ СВОБОДЫ»

Аннотация. Статья рассматривает многогранное, но противоречивое наследие первого российского академика-политэконома Генриха (Андрея Карловича) Шторха в контексте институционализации политической экономики в России и Европе. Показаны противоречия в учении Шторха и как критика, и как истового последователя Адама Смита. Особое внимание обращено на формулировку Шторхом ранее Д. Рикардо принципа сравнительных преимуществ в международной торговле и на односторонность выводов из этого принципа.

Ключевые слова: *физиократия, смитианство, «большая культура» земледелия (многопольный севооборот), основной капитал, внутренние блага, международная торговля, принцип сравнительных преимуществ, «десница и шуйца» рынка.*

JEL: B13, B17, B31, B40, N13, F10.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_32_45.

«Промышленная система»: институционализация политэкономии

К началу XIX столетия общеевропейская слава трактата Адама Смита «The Wealth of Nations» была уже настолько велика, что только что учреждённое Министерство финансов Российской империи озаботилось изданием перевода знаменитой книги, с тех пор получившей на русском языке не вполне точное название «Богатство народов». А первый (и оставшийся единственным, 1802-1810) министр коммерции Российской империи граф Н.П. Румянцев был вынужден сдерживать слишком рьяных приверженцев «догмата совершенной свободы торговой», оговариваясь при этом, что учение Смита «по справедливости приемлется руководством в созерцании государственных сил» [Румянцев, 2011. С. 290]. Французы во главе с Ж.-Б. Сэем задали тон в популяризации учения Смита как подлинно научной политической экономии с чёткими дисциплинарными очертаниями; в Германии в соответствии со смитианством профессора в университетах стремились преобразовать преподавание и содержание «камеральных наук», а облечённые властью министры-реформаторы фон Штейн и фон Гарденберг — хозяйственный строй Пруссии. Россия же опередила все европейские государства в учреждении кафедр политической

экономии, которые заняли последователи Смита: сын именитого историка-«норманиста» Х.А. Шлёцер в Московском университете, бывший ректор университета в Галле Л.Г. Якоб — в новоучреждённом хлопотами В.Н. Каразина Харьковском университете, выпускник Венгерской Королевской академии и Венского университета М.А. Балугьянский — в также новоучреждённом Петербургском педагогическом институте (преобразованном позднее в Петербургский университет).

Михаил Андреевич Балугьянский (1769-1849), карпато-русин по происхождению, в статье «Национальное богатство. Изображение различных хозяйственных систем» в «Статистическом журнале» министерства внутренних дел (СПб., 1806-1808, 4 номера) первым в русской печати прочертил каноническую схему развития европейской экономической мысли: меркантильная («коммерческая») система — «земледельческая система» (физиократия) — «система свободной промышленности», обоснованная А. Смитом. Надо заметить, что слово «промышленность», незадолго перед тем введённое в русский словесный обиход Н.М. Карамзиным как калька с французского «industrie» (восходящего к латинскому «industria»), обнимало собой тогда не только обрабатывающую («мануфактурную» и «фабричную») промышленность, но и транспорт («перевозочную промышленность»), и торговую промышленность, и «земледельческую промышленность» (включая не только сельское хозяйство, но и другие сырьевые отрасли). А главной заслугой Смита признавалось открытие истины, что первопричиной всякого богатства является труд во всех этих сферах, более всего производительный при «естественном порядке вещей», или «совершенной свободе».

Таким был отправной пункт фундаментального 6-томного «Курса политической экономии», написанного в 1815 г. Генрихом (Андреем Карловичем) Шторхом (1769-1835). Уроженец Остзейского края, Шторх получил высшее образование и воспринял идею свободы промышленности в германских университетах. Ещё в конце XVIII в. он снискал в научных кругах Европы известность основательными работами по статистике Российской империи и её столицы и потому занял в Петербурге место, уникальное для всей Европы, — кресло академика по разряду политической экономии и статистики (1804). А через 10 лет по поручению императора Александра I участвовал наряду с М.А. Балугьянским и правоведом В.Г. Кукольником в преподавании юридических и экономических дисциплин младшим братьям царя великим князьям Николаю (будущему — Николаю I) и Михаилу. Для этих занятий Шторх составил свой обширный «Cours d'économie politique», изданный в Петербурге по-французски.

Характерно, что одновременно избранный во Французскую академию Ж.-Б. Сэй начал читать в Париже, в Консерватории искусств и ремёсел, свой публичный «Cours d'économie politique»; лекции имели блестящий успех, аудитория была всегда переполнена слушателями [Марков, 1929. С. 94]. Со Шторхом было по-другому: для двух августейших слушателей он только усугублял скуку от «несноснейших педантов» Балугьянского и Кукольника, толковавших о каком-то «мнимом естественном праве». «В прибавку к ним, — вспоминал, уже будучи императором, Николай I, — являлся ещё Шторх, со своими усыпительными лекциями о политической экономии, которые читал нам по своей печатной французской книжке. На уроке этих господ мы или дремали, или рисовали какой-нибудь вздор, иногда — собственные их карикатурные портреты, а потом, к экзаменам выучивали кое-что вдолбляшку, без плода и пользы для будущего» [Цит. по: Шильдер, 1903. С. 18].

Заметим, что этот неприятный «политэкономический осадок» у венценосца не помешал в его правление карьере Балугьянского и Шторха, дослужившихся до тайных советников. Однако не могло быть и речи о приближении российской действительности к образу «естественного порядка», противопоставленного политэкономами трём видам неволи: собственно рабству, закрепощению и правительственным монополиям. Поэтому осталось невозможным издание по-русски «Курса политической экономии» Шторха с его категоричным предпочтением крепостническому принуждению «естественного порядка вещей», где

каждая отдельная личность вполне свободна избрать себе наиболее подходящее занятие и переменить его, как только найдет это удобным». А курс политэкономии Балугьянского, читавшийся в Петербургском педагогическом институте, и вовсе остался только в виде одного рукописного конспекта [Косачевская, 1971. С. 61-63].

Тем не менее и во французской «первозданности» книга Шторха оказала влияние на ещё немногочисленных российских политэкономов, о чём свидетельствует хотя бы речь молодого профессора Демидовского училища высших наук в Ярославле Фёдора Бекетова [Бекетов, 1818]. Позднее один из самородков «золотого века» русской культуры Василий Андросов (1803-1841) в своём первом русском очерке истории экономических учений воздал должное Шторху, Балугьянскому и Шлёцеру как учителям первого поколения отечественных экономистов [Андросов, 1833. С. 147]. На западе же довольно быстро появился немецкий перевод курса Шторха, изданный в Гамбурге (1816—1820) Карлом Генрихом Рау (1792-1870), основателем первого периодического издания по политэкономии. А затем французский текст петербургского издания был перепечатан Сэем в Париже (1823) с нападками на автора: и по теоретическим вопросам, и за манеру использовать обширные заимствования из Смита и самого Сэя. Скандал лишь добавил известности Шторху, резко ответившему главному смитианцу Европы на его родном языке, а само переиздание привлекло внимание к Шторху в лондонском Клубе политической экономии. Усердный истолкователь наследия А. Смита и Д. Рикардо Дж.Р. Мак-Куллох в первом обобщающем очерке формальной истории европейских экономических доктрин поставил трактат российского автора на первое место среди континентальных сочинений по политэкономии [McCulloch, 1824. P. 29].

Международное признание Шторха отразилось и в обширной «Истории политической экономии в Европе», написанной протее Сэя Жеромом-Адольфом Бланки (1798-1854) уже после кончины наставника и его российского оппонента. Бланки подчёркнул, что Шторх, искусно соединив начала политэкономии с собранным им самим сведениями о России, сумел «пролить много света на вопрос о рабстве в стране, в которой, по-видимому, труднее всего было говорить свободно об этом предмете» [Бланки, 1869. С. 154].

Четыре издания трактата Бланки (1837-1860) были зеркалом эпохи, когда достигнутое Англией явное превосходство в «производительности, капитале, конкуренции и кредите» и её «всемирная мануфактурная монополия» [Бланки, 1869. С. 204] привели к отождествлению английской либеральной школы с политэкономией как наукой, а вдохновлённого ею фритредерства — с успешной экономической политикой, обеспечивающей промышленный прогресс. «Промышленная система» Смита, Сэя и Рикардо утвердилась в качестве универсальной общеевропейской политэкономии. Тем не менее Бланки, первым употребивший термин «промышленная революция», считал уместным как оспаривать выводы Сэя и Рикардо, так и ставить вопрос о национальном характере различных школ политической экономии [Бланки, 1869. С. 195]. Русскую школу среди них Бланки, однако, не выделял, а «знаменитому Шторху» отвёл первое место в Европе среди представителей «эклектической политической экономии» [Бланки, 1869. С. 152–153].

«Эклектическая политэкономия» и «большая культура» земледелия

Хотя того уничижительного оттенка, который минувший век привнёс в слово «эклектизм», в XIX столетии не было¹, и подобная характеристика отчасти приложима к подходу

¹ Солидный словарь начала XX в. определял «эклетику» как «философа, не выставляющего нового принципа и не примыкающего к какой-либо философской школе, а выбирающего из различных систем то, что ему кажется истинным» (с добавлением, что «ни одна система не лишена эклектических элементов»). [Радлов, 1911. С. 272]. В СССР на судьбу этого понятия повлияло стремление блюсти букву В. Ульянова-Ленина, любившего обвинять в «эклетицизме» своих оппонентов.

Шторха², безосновательно суждение Бланки, что Шторх был «эклектик», поскольку искал истины как в «земледельческой системе» (т.е. в физиократии), так и в «промышленной» (т.е. в смитианстве). Начнём с того, что главная истина, которую находил Шторх в учении физиократов, — это общее с учением Смита категоричное осуждение меркантилистских стеснений и вывод, что любая хозяйственная деятельность «может процветать не иначе, как только под кровом совершенной свободы». Для Шторха это было столь же неоспоримо, как и превосходство системы Смита над физиократией. Но он указывал и на общие недостатки двух систем: смешение вопросов об источнике богатства и о мере ценности и узкое понимание производительного труда. Шторх не последовал за таким «физиократическим остатком» учения Смита, как признание сельскохозяйственного труда пусть не *единственно*, но всё же *наиболее* производительным³.

Вместе с тем Шторх был современником возникновения *особых наук* о применяемых при разных промышленных производствах орудиях, сырье и способах обработки — *технологии*, — и о системах полеводства — *агрономии*. И, с одной стороны, во введении к своему «Курсу» Шторх сделал принципиально важное для дисциплинарного оформления политэкономии замечание, что она рассматривает разные виды промышленности относительно только возрастания или уменьшения богатства, но не процессы производства, которые составляют предмет *агрономии, технологии, науки о торговле* и т.д. С другой же стороны, Шторх, в отличие как от Смита, так и от физиократов, рельефно отобразил значение, которое имел для возрастания богатства революционный поворот в развитии европейского сельского хозяйства, осмысленный основателем научной агрономии Альбрехтом-Даниелем Тэером (1752-1828), а затем и другими германскими учёными, как переход к *плодопеременной* (или *плодосменной*) системе производства.

Именно этот переход, начавшийся в английском графстве Норфолк, вознёс крупное земледельческое хозяйство британских фермеров-арендаторов и «джентльменов-фермеров» и на несколько десятилетий сделал английское земледелие образцовым для всей Европы [Манту, 1937. С. 126]. Переход к многопольному севообороту с ротацией хлебных злаков, кормовых трав (прежде всего клевера) и корнеплодов (турнепса, брюквы и др.)⁴ сделал высокоприбыльными фермы, вытеснявшие наряду с архаичным паровым трёхпольем общинную собственность мелких держателей-земледельцев, ставших жертвами «вековой несправедливости огораживаний» [Gide & Rist, 1909. S. 168]. Прославленный норфолкский (ротация пшеницы, ячменя, клевера и турнепса) и другие многопольные севообороты с травосеянием и плодосменом позволили, с одной стороны, использовать всю площадь пашни, с другой стороны, запастись корма для круглогодичного стойлового содержания скота, который, в свою очередь, обеспечивал интенсивность удобрения и восстановление плодородия почвы. Таким образом, сложилась система интеграции и взаимного стимулирования двух главных отраслей сельского хозяйства, существенно увеличившая как урожайность в земледелии, так и селекционные возможности животноводства, что стало предпосылкой «отщепления» значительных масс населения от деревни и тем самым – промышленной революции. [Огановский, 1909; Махов, 2016. Гл. 7].

² Но гораздо более — к компилятивной манере российских авторов по политэкономии в последующие полвека (Степанова, Бутовского, Горлова и пр.).

³ «Земля составляет самую большую, самую важную и наиболее устойчивую часть богатства каждой обширной страны»; «никакой капитал не приводит в движение большего количества производительного труда, чем равный по размерам капитал фермера» [Смит, 2007. С. 274, 367].

⁴ Плодосменная система допускала увеличение числа полей и расширение набора культур — за счёт, например, картофеля и сахарной свеклы, что стало практикой в германских землях, особенно в Пруссии, где либеральная «революция сверху» Штейна – Гарденберга сопровождалась схожим с английским массовым обезземеливанием поселян и закреплением общинных угодий в частную собственность помещиков (юнкеров).

На рост производительности крупного фермерского хозяйства обратил внимание Ф. Кенэ в своих статьях «Зерно» и «Фермеры» для «Энциклопедии» Дидро и Даламбера. Он противопоставил процветавшую «большую культуру» крупных английских ферм (*la Grand culture*) отсталой «мелкой культуре» феодального землепользования (*la Petite culture*) при Старом режиме во Франции [Кенэ, 1960. С. 70–77]. Но связи между процветанием «большой культуры» и нововведениями в полеводстве глава школы физиократов не показал. А Адам Смит, убеждённый в том, что главное богатство Англии в сельском хозяйстве, вовсе не упомянул о «большой культуре» земледелия, ограничившись отрывочными сведениями о посевах новых культурных растений (клевер, турнепс, картофель, маис и др.).

Вместе с тем Смит утверждал, что «увеличение количества скота и улучшение земли должны идти рука об руку, одно никогда не может сильно обгонять другое» [Смит, 2007. С. 256]. Для подкрепления этого обобщения Шторх счёл необходимым более глубоко «вникнуть в сущность сельскохозяйственной экономии», соединяя политэкономическую дедукцию с агротехнической индукцией. Он выстроил цепочку рассуждений о сельскохозяйственном прогрессе страны, достигаемом, если колебания хлебных цен относительно цен на мясо приводят к выравниванию прибылей от возделывания земли и от животноводства. Но это означает *соразмерность* количества пашни количеству удобрений, пропорциональных количеству скота [Шторх, 2008. С. 276]. И обеспечивает такую соразмерность именно то, что Кенэ назвал «большой культурой» земледелия (*la Grand culture*), а Тэер — плодосменной системой полеводства.

Ценообразование на хлеб и мясо воздействует на вложения капиталов и труда в соответствии со стремлениями хозяев ферм к более высоким доходам, и рыночное уравнивание прибылей от вложений в пахотное и пастбищное хозяйство будет означать соразмерность роста товарного земледелия и товарного животноводства, т.е. оптимизацию отраслевой структуры сельского хозяйства. Описанный Шторхом норфолкский севооборот с попеременным засеиванием без пускания земли под пар и обильным навозным удобрением был агротехнической конкретикой этой оптимизации.

Таким образом, Шторх приблизился к пониманию значения переворота в системах полеводства для формирования на западе Европы *интенсивного* и интегрирующего товарное земледелие с товарным животноводством сельского хозяйства, что стало предпосылкой структурных сдвигов в экономике в целом и опережающего роста отраслей инвестиционного комплекса [Онищук, 1995. С. 39–40]. И в сельскохозяйственном аспекте политическая экономия Шторха была не отступлением от смитианства к «земледельческой системе» Кенэ и не эклектическим соединением двух систем, а творческим развитием «промышленной системы» с преодолением пробелов как учения Смита, так и физиократии (и заметим особо — пробелов, оставшихся и в формационном подходе К. Маркса [Гловели, 2017. С. 46]).

Однако сам Шторх в своём «разумном скептицизме» по отношению к учению Смита на первый план выдвигал критику мнения о непроизводительном характере «труда, приложенного к производству внутренних благ» [Шторх, 2008. С. 36]. Мнения, по словам Шторха, столь же неосновательного, как и унижительный эпитет физиократов «бесплодный класс» для занятых ремеслом, мануфактурой и торговлей. Именно развитое в противовес Смиуту учение о внутренних благах («*les biens internes*») стало наиболее известной политэкономической концепцией Шторха [Бекетов, 1818. С. 17; *Ingram*, 1902. Р. 189; Штейн, 1924. С. 151–152; Цвайнерт, 2008. С. 73–80].

Критическое смитианство: полемика о производительном труде

Одна из наиболее известных в XIX в. историй политической экономии рассматривала воззрения Шторха в основной части, посвященной Адаму Смиуту и «системе естественной свободы» [*Ingram*, 1902]. В хрестоматийном трактате Й.А. Шумпетера оценены

как «критическое смитианство»: совпадение в основном с концептуальным аппаратом Смита при существенных разногласиях в анализе дохода [Шумпетер, 2001. С. 657–658]. Точнее было бы сказать — разногласиях в анализе *накопления капитала* в связи с принципиальным расхождением в трактовке производительного труда.

Главой «О накоплении капитала, или о труде производительном и непроизводительном» книги 2 автор «The Wealth of Nations» поставил своих последователей в неловкое положение. Ведь он отнёс их, как и самого себя и прочих «писателей всякого рода», к «классу непроизводительных работников». Наряду с другими из «некоторых самых серьёзных и важных» («государь со всеми своими судебными чиновниками и офицерами», священники, юристы, врачи), но из «некоторых из самых легкомысленных профессий» (вплоть до паяцев) [Смит, 2007. С. 339]. Шторх во введении к своему «Курсу» недоумевал, «как философ с таким изысканным умом мог подвести под одну категорию царей и нищих, чиновника и фигляра, трудолюбивого ученого и праздного ленивца» [Шторх, 2008. С. 36]. А во введении ко второй части «Курса», озаглавленной «Теория цивилизации», отмечает неудовлетворительность критики в адрес Смита со стороны европейских политэкономов, начиная с Сэя и переводчика «The Wealth of Nations» на французский язык Гарнье. Они, не соглашаясь признать «некоторых самых серьёзных и важных» профессий (особенно свою собственную) непроизводительными, смешивали нематериальное богатство и нематериальные ценности [Шторх, 2008. С. 606].

Для прояснения этого вопроса Шторх разработал концепцию *национального благосостояния* (*prospérité nationale*), объединяющую *национальное богатство* (*richesse nationale*) как совокупность вещественных благ и *национальную цивилизацию* (*civilisation nationale*) как совокупность невещественных (внутренних) благ («*biens internes*»). Учение о «внутренних благах» было противопоставлено концепции Смита, исключившего из производительного труда все те элементы, которые прямо не способствуют производству богатств, и рассматривавшего *лишь* национальное богатство [Шторх, 2008. С. 606].

Суммировав соображения, по которым Смит исключил из общей суммы национального богатства ценности, не имеющие непосредственного вещественно-продуктового воплощения, Шторх выдвинул контраргументы в пользу производительного характера труда, создающего нематериальные ценности. Согласно Смигу производительный труд создаёт предметы сохраняемые, накапливаемые или годные для новой продажи, чтобы потом купить или достать одинаковое количество труда. Поскольку нематериальные услуги исчезают в момент их оказания, их нельзя скопить и потом продать, то предоставляющие их работники непроизводительны. Возражая Смигу, Шторх провёл различие между собственно услугами, оказываемыми человеком человеку, и *результатами* этих услуг — *внутренними благами*, которые сохраняемы, накапливаемы и могут образовывать капиталы. Врач, прописав больному рецепт, спасает ему жизнь. Эта услуга мгновенно исчезает. Но исцеление больного сохраняется в качестве длящегося результата действий врача. Спектакль оставляет часто более глубокий след, чем какое-нибудь съестное блюдо. Спасение адвокатом состояния своему клиенту имеет для того много большее значение, чем мебель или одежда, поставляемые ему ремесленниками и купцами. Наконец, разве не на всю жизнь сохраняются плоды обучения? Поэтому (и вопреки Смигу) труд врачей, юристов, писателей, учёных, художников, музыкантов, учителей, воспитателей и т.д. следует считать в такой же степени производительным, что и труд земледельца, ремесленника, фабричного рабочего и купца.

Отождествив «внутренние блага» со всеми нематериальными продуктами труда и природы, полезными для человека, которые могут составлять его «морально признаваемую собственность», Шторх с немецкой дотошностью систематизировал виды услуг, производящих эти блага как «элементы цивилизации». Он классифицировал их на первичные, состоящие из способностей, и вторичные, формирующие предварительные условия для сохранения и развития способностей [Шторх, 2008. С. 618–619].

Современные российские политэкономы склонны рассматривать учение Шторха о «внутренних благах» как отправной пункт русского «несмитианского направления» экономической мысли [Ольсевич, 2003. С. 37] и намного опередившее своё время осознание значения «человеческого, социального капитала, о чём экономисты в полный голос заговорили лишь во второй половине XX века» [Якутин, 2008. С. 125]. Такие подходы являются преувеличенными и упрощёнными.

С одной стороны, суженная трактовка производительного труда противоречит учению самого же А. Смита об основном капитале (*fixed capital*), в число четырёх компонентов которого Смит включил «приобретенные и полезные способности всех жителей или членов общества» [Смит, 2007. С. 294]. Этот компонент в XIX в. стали называть «персональным капиталом» [Ingram, 1902. P. 98], а во второй половине XX в. — отождествлять с «человеческим капиталом», или «капитальной ценностью приобретённых и полезных способностей всех членов общества» [Blaug, 1985. P. 53]. Причём исследовательская программа человеческого капитала изначально была озабочена проблемами экономической эффективности общего и специального образования и сравнением отдачи от инвестиций в обучение работников и от инвестиций в вещественные элементы основного капитала (оборудование и пр.) [Blaug, 2004. С. 223]. Поэтому учение Шторха о «внутренних благах», которые не только могут накапливаться как капитал, но и зачастую бывают более долговечными, чем продукты материального богатства, можно рассматривать не только как контраргументы в полемике со Смитом о производительном труде, но и как дополнение к учению Смита об основном капитале.

Более того: как своего рода «примирителя» А. Смита и Г. Шторха и одновременно как важное связующее звено между их концепциями и концепциями человеческого капитала можно рассматривать концепцию основных капитальных благ Н.Д. Кондратьева. Известно, что для определения материальной основы больших циклов конъюнктуры (длинных волн) Кондратьев предложил в структуре основного капитала отдельно выделить капитальные блага длительного служения, которые наряду с крупнейшими постройками, транспортными и мелиоративными сооружениями включают в себя и подготовку кадров квалифицированной рабочей силы [Кондратьев, 2002. С. 390, 452].

Но, с другой стороны, в учении Шторха о внутренних благах, равно как в более поздних рассуждениях западных и российских политэкономов о «нравственном капитале»⁵ и «невещественном капитале», стирался критический заряд, содержащийся в учении Смита о непроизводительном труде «некоторых самых уважаемых сословий общества» [Смит, 2007. С. 339]. Этот заряд восхитил старого знакомца Смита, его сверстника и тезку, и наряду с ним видного деятеля Шотландского Просвещения А. Фергюсона, писавшего после выхода «*The Wealth of Nations*» автору: «Несомненно, вы чувствительно задели церковь, университеты и гражданские власти» [цит. по: Аникин, 1965. С. 213]. У Смита фритредерство «было лишь частью большой антифеодальной программы экономической и политической свободы» [Аникин, 1985. С. 196–197].

Пропаганда в России «системы естественной свободы», включая и суждения Шторха о порочных общественных установлениях в виде рабства, крепостничества и монополий [Шторх, 2008. С. 660], чувствительно задевала традиционные сословные иерархии, но учение о внутренних благах полностью гармонировало с ними. К «вторичным внутренним благам» Шторх отнёс безопасность и досуг; первую обеспечивает, конечно, «труд государя и всех его доверенных лиц, гражданских и военных»; а второй, избавляющий «более значительных лиц» от «мелких жизненных забот», обеспечивают в том числе и домашние слуги,

⁵ Бланки претендовал на то, что он первым предложил понятие «нравственный капитал», воздавая хвалу исследованиям Шторха о «rente, доставляемой талантом и нравственными качествами» [Бланки, 1869. С. 154].

избыток которых был столь нелюбезен Смиуту. Что до церкви, то шторховскую классификацию «первичных внутренних благ» замыкает культ, *производимый* священнослужителями.

Как отмечает современный исследователь «идеи рынка», упразднить различия между производительным и непроизводительным трудом необходимо было, чтобы оправдать существующее общественное устройство, не допустить переворачивания традиционных представлений о социальных иерархиях и функциях [Розанваллон, 2007. С. 101–102]. Шторх занимал в традиционных российских иерархиях видное положение. И, будучи как смитианец приверженцем невмешательства государства в экономику, одновременно отмечал, что спрос на многие виды «внутренних благ» предъявляется исключительно правительством, которое «производит» и такое нематериальное благо, как «уважение» — раздачей всякого рода знаков отличия, личных и наследственных почестей и т.п. [Шторх, 2008. С. 633–634, 638]. Таким образом, «критическое смитианство» Шторха приобретало оттенок сословного консерватизма «истого чиновника» [Штейн, 1924. С. 154].

Некритическое смитианство: дорога к мейнстримному мифу

В том же 1815 г., когда был издан шторховский «Cours d'économie politique», начала выходить энциклопедия «Nuovo prospetto delle scienze economiche» миланского статистика Мельхиора Джойа (1767—1829). Она перечислила с десяток противоречий А.Смита самому себе в разных местах «Богатства народов», включая и противоположные мнения по поводу того, является ли умственный труд умножающей народное богатство силой или нет; доставляется или не доставляется земледелием наибольшая выгода для капиталов [Одоевский, 1975. С. 75]. Если первое из указанных противоречий способствовало «критическому» смитианству Шторха, то второе он усугубил, проявляя себя как творческий истый смитианец.

Как было отмечено выше, Смит действительно настаивал на предпочтительности помещения капиталов в сельское хозяйство. Но в противоречии с этим сам же акцентировал гораздо более медленный прогресс в земледелии, чем в мануфактурной промышленности и торговле, — поскольку земледелие по самой природе своей не допускает ни такого многообразного разделения труда, ни полного отделения друг от друга различных работ, как мануфактура, и превосходство передовых стран проявляется сильнее именно в тех отраслях, где глубже разделение труда, т.е. в мануфактурных [Смит, 2007. С. 71].

Шторх, следуя Смиуту в уподоблении международной специализации разделению труда между индивидами, порождаемому будто бы «природной склонностью к обмену», более обстоятельно, чем учитель, показал связь между «великим принципом разделения труда» и различиями в экономическом прогрессе народов. Однако вывод его был прямолинеен: если и процветающие, и отставшие нации хотят пользоваться выгодами всех отраслей хозяйства, бедный народ снабдит излишками своих сельскохозяйственных продуктов богатую нацию, которая взамен обеспечит его излишками своих усовершенствованных мануфактур и к тому же облегчит перевозку тех и других излишков [Шторх, 2008. С. 540–541].

А. Смит особо не утруждался примерами взаимовыгодности торговли между странами при «незамысловатой системе естественной свободы» и наличии естественных преимуществ, которыми обладает одна страна перед другой [Смит, 2007. С. 647, 445]. Наблюдений над обменом французских шелков (продукцией страны с климатом, подходящим для разведения тутовых деревьев) на продукцию английского сукноделия (обязанную изобильным угодьям для пастбищного овцеводства) оказалось достаточно для обобщения: «Если какая-либо чужая страна может снабжать нас каким-нибудь товаром по более дешевой цене, чем мы сами в состоянии изготовлять его, гораздо лучше покупать его у нее

на некоторую часть продукта нашего собственного промышленного труда, прилагаемого в той области, в которой мы обладаем некоторым преимуществом» [Смит, 2007. С. 444].

Стандартная интерпретация этого вывода классика: «Смит указал на всё, что лежит в основе международной экономики: существует разделение труда, выходящее за национальные рамки в силу узости внутреннего рынка и создающее тем самым мировой рынок; обмен на мировом рынке товарами, в которых индивидуальные страны конкурентоспособны; мировой рынок стимулирует рост производительности в кооперирующихся странах; т.е. работает мировое хозяйство» [Киреев, 2003. С. 17]. К этому добавляется [Киреев, 2002. С. 22], что цитированная мысль Смита приводится всего двумя абзацами ниже знаменитого места о «невидимой руке», которая направляет к общему благу эгоистические решения индивидов, мотивированных лишь извлечением барыша.

Таким образом, на теорию международной торговли экстраполируется «миф Адама Смита» современного мэйнстрима. О «невидимой руке рынка», не только координирующей преследование частных интересов с достижением общественных целей, но и через механизм свободного ценового взаимодействия спроса и предложения оптимизирующей отраслевую структуру экономики. Без центрального руководства или коллективных решений, а только посредством перелива капиталов и труда под воздействием ценовых сигналов из отраслей, продукция которых избыточна, в отрасли, производящие продукцию с повышенным спросом.

Но мы присоединяемся к резонной оговорке, что на самом деле «такой радикальный подход не был присущ экономистам-классикам» [Ронкалья, 2018. С. 381]. И осмелимся добавить, что, вероятно, как раз Г. Шторх, хотя и не употреблял выражение «невидимая рука», более других приблизился к её аллокативной неоклассической интерпретации в своём описании того, как под воздействием колебаний цен на хлеб и мясо через выравнивание прибылей от вложений в пахотное и пастбищное хозяйство приближаются к соразмерности земледелие и животноводство.

Но это ещё не всё. В качестве смитианца, развивающего «великий принцип разделения труда», Шторх не ограничился тем, что сегодня называется «принципом абсолютных преимуществ» А. Смита, а сделал и шаг к формулировке принципа сравнительных преимуществ (или сравнительных затрат)⁶, обоснованного Д. Рикардо в «Началах политической экономии и налогообложения», вышедших двумя годами *позже* (1817) шторховского «Курса».

По словам Шторха: «Какое дело русскому человеку, что при помощи своих капиталов и машин англичане выпряли и выткали за один день столько хлопковой или шерстяной ткани, сколько им хватит для обмена на пеньку и сало, стоившие нам двух дней работы? Если при современном состоянии промышленности он не может обеспечить себя и за три дня материалами для изготовления этих тканей, то обе нации получают от этого обмена экономию, соответствующую экономии труда, обе смогут использовать сбереженный таким образом труд на производство большего количества тканей, соответственно пеньки или других продуктов» [Шторх, 2008. С. 542].

П. Самуэльсон, смолоду внесший наибольший вклад в формализацию принципа сравнительных преимуществ, именно его приводил в пример вывода экономической теории, который одновременно был бы истинным и нетривиальным [Банерджи, Дюфло, 2021. С. 104]. Но именно в противовес рикардианско-неоклассическому принципу обоснования взаимовыгодности международной свободной торговли выдвигались критические теории неэквивалентности обмена периферийных стран с передовыми странами «центра», «двойственной динамики» периферийного капитализма, «развития слаборазвитости» и т.д. Как отмечал И. Валлерстайн, его мир-системный подход при своём появлении в 1970-х гг.

⁶ Первым на это обратил внимание Й. Цвайнерт, но мимоходом [Цвайнерт, 2008. С. 72].

был вполне справедливо расценен критиками от макроэкономического мейнстрима как внушительная попытка опровержения при помощи исторических доказательств, казалось бы, незыблемого закона сравнительных преимуществ Давида Рикардо [Валлерстайн, 2015. С. XXII]. Популярная в современной России книга Э. Райнерта о промышленной политике также является «атакой» на рикардианский принцип, с противопоставлением ему структуралистских аргументов [Райнерт, 2011. С. 61–77].

В этом контексте внешнеторговая концепция Шторха, с одной стороны, может быть оценена как оригинальный вклад в классическую либеральную теорию международной торговли, с другой стороны, — как наглядная демонстрация односторонности некритического смитианства.

Десница и шуйца «системы естественной свободы»

В отличие от цитированной выше незамысловатой мысли Смита о выгодности обмена продукцией, связанной с естественными преимуществами каждой страны, Рикардо употребил силу своей дедукции для обоснования выгоды двусторонней свободной торговли между странами, если у одной из них естественных преимуществ нет. Аргументация была выстроена на трудовой теории ценности и условном числовом допущении: Португалия сравнительно с Англией тратит меньше часов труда (80 против 120) на производство торгуемой единицы не только вина, но и сукна (90 против 100). При таких условиях для Португалии бы выгоднее специализироваться в производстве товара, где большее преимущество (т.е. портвейна), а ткани покупать в Англии. Далее Рикардо выводил из сформулированного им принципа, что вино должно производиться во Франции и Португалии, хлеб возделываться в Америке и Польше, а оборудование и другие мануфактурные товары – изготавливаться в Англии; после чего порассуждал о торговле между Англией и Польшей при допущении, что последняя «усовершенствует свои мануфактуры» [Ricardo, 1817. P. 156, 172].

При этом Д. Рикардо знал, что Португалия *никогда не имела* преимуществ над Англией в сукноделии, что А. Смит приводил сведения об отсутствии в Польше⁷ какой-либо обрабатывающей промышленности и относил Португалию и Польшу (свободно торговавших соответственно вином и хлебом с Англией) к «самым нищенским странам Европы» [Смит, 2007. С. 72, 271]. В то же время за 40 лет, прошедших после выхода в свет «The Wealth of Nations», экономическое развитие Англии только подтверждало мнение Смита, что эта страна «предназначена самой природой быть средоточием заморской торговли, мануфактур, работающих на отдалённый рынок, и всех тех достижений и улучшений, которые обуславливаются этими последними» [Смит, 2007. С. 414].

Следующая же цитата из Смита показывает, что «отец-основатель» экономического либерализма прекрасно понимал неэквивалентный характер свободного обмена на мировом рынке между передовыми (торгово-промышленными) и отсталыми (аграрными) странами (разумеется, не в пользу последних):

«На небольшое количество мануфактурных изделий можно покупать большое количество сырого продукта. Поэтому торговая и промышленная страна, естественно, покупает на небольшую часть своих мануфактурных изделий большую часть сырого продукта других стран, тогда как, напротив, страна, не обладающая мануфактурами и торговлей, обычно вынуждена покупать за счет значительной части своего сырого продукта совсем небольшую часть мануфактурных изделий других стран» [Смит, 2007, с. 639].

⁷ Заметим, кстати, что во времена Рикардо уже не было (после разделов Речи Посполитой) самостоятельного польского государства, ещё существовавшего в год появления «The Wealth of Nations».

Г. Шторх придавал внешней торговле исключительное значение, особенно для России с её недостаточными капиталами; поскольку внешняя торговля, в отличие от других отраслей, может обойтись без предварительного накопления капитала внутри страны. Решающими событиями русской истории для развития производительных сил страны Шторх считал установление коммерческих сношений с Англией после беломорской экспедиции Р. Ченслера и завоевание балтийских берегов Петром I [Шторх, 2008. С. 563].

В противоположность Рикардо, Шторх подошёл к принципу сравнительных затрат без абстракций, идущих вразрез с действительностью. Его заключения о целесообразности обмена английских тканей на русские сырые продукты полностью соответствовали характеру экспорта (24% — пенька и лён; 15 — сало; 18% — хлеб) и главным статьям тогдашнего российского импорта (33% — сукна и хлопчатобумажные ткани) тогдашней Российской империи [Кулишер, 1923. С. 300–301].

Отчётливо сознавая превосходство передовых наций более всего в удешевлённом производстве высококачественных мануфактурных изделий благодаря многообразию разделения труда, Шторх не менее отдавал преимущество промышленной Англии над аграрной Россией и в системе полеводства (норфолкский севооборот). Политэконом подчёркивал, что описывает норфолкский севооборот специально для оценки «расстояния, которое должна преодолеть Россия», чтобы достигнуть успехов передового земледелия [Шторх, 2008. С. 276, 768–770]. Из собранных им сведений о российских губерниях Шторх заключил, что в большинстве их хорошо унавоженные земли занимали не более трети или четверти, а то и двадцатой части угодий. А расширение площади пашни сопровождалось сокращением угодий для скота и его количества [Шторх, 2008. С. 563] — ни о какой отраслевой соразмерности сельского хозяйства в России вопрос не стоял.

Но из всего этого учёный делал вывод, что «сравнительное преимущество» России — именно в её отсталом (заметим — феодальном трёхпольном) земледелии! Поскольку-де российский зерновой хлеб приблизительно в тех же ценах и качестве, что и английский, тогда как английские мануфактурные товары гораздо дешевле русских при той же степени добротности. И в более общей форме — целесообразность для отсталых стран специализироваться исключительно на земледелии, покупая у богатых наций мануфактурные товары, производимые там в силу развитого разделения труда по гораздо более низким ценам.

Шторх считал невыгодным производить в России «ткани и утварь, которые мы получаем из Англии», и рекомендовал «уступление прав» передовым нациям не только во внешней торговле, но и в *переработке* российского сырья — льна, древесины, железа. Наконец, автор «Cours d'économie politique» порицал соединение в русских деревнях хлебопашества с домашними промыслами, уже привлекшее внимание русских экономистов (в том числе и самого Шторха). Шторх полагал, что это не более чем результат «искаженного понятия о выгодах» у невежественных русских крестьян, не понимающих преимуществ разделения труда. При этом, как либеральный политэконом, Шторх был категорически против искусственного поощрения крупных промышленных предприятий посредством покровительственного тарифа или других протекционистских мер.

Американский историк Р. Мак-Грю, автор единственной специальной статьи о Шторхе в англоязычной литературе, охарактеризовал его как сторонника экономической трансформации («модернизации») Российской империи, не видевшего иных политических рамок, кроме самодержавия. При этом, однако, будучи приверженцем *laissez faire*, Шторх не допускал мысли об активной роли самодержавного государства в стимулировании хозяйственных инноваций, считая оправданными лишь те изменения в экономике, которые «продвигали принципы естественной свободы» [McGrew, 1976. P. 60]. Точнее было бы сказать, что Шторх уповал только на свободную торговлю в процессе приближения России к «большой культуре» земледелия (капиталистическому фермерству) и к накоплению капитала для собственной крупнопромышленной переработки сырых материалов. При

этом Шторх полагал, что внешняя торговля обеспечивает каждому народу «неоценимые выгоды» вне зависимости от степени достигнутого им благосостояния [Шторх, 2008, С. 563]. Односторонность такой позиции и привела к выводам, которые могут показаться утрированными: «благоразумие» международной специализации на *отсталом* земледелии, поскольку мануфактурная промышленность *отстала гораздо больше*.

Спустя более полувека после кончины Генриха (Андрея Карловича) Шторха российские политэкономы А.И. Чупров (1842-1908) и И.И. Янжул (1846-1915), пересматривая концепцию свободной конкуренции, спорили о наличии теологического подтекста в метафоре «невидимой руки» у А. Смита [Чупров, 1918. С. 128-129]. Известные профессора не вспомнили, однако, о русских словах «десница» и «шуйца», восходящих к церковнославянскому языку и иногда подразумевавших противопоставление благотворности правой руки (десницы) и обманчивости, лукавства в действиях левой руки (шуйцы). Противоречия рыночной конкуренции («системы естественной свободы»), включая противоречия между преимуществами вовлечения в международную торговлю и ею же обусловленными деформациями структуры экономик отсталых стран, как и отражения этих противоречий в экономических доктринах, могут быть уподоблены негармоничным действиям десницы и шуйцы. Как в нашем случае — «критическое» и «некритическое» смитианство первого российского академика-политэконома.

ЛИТЕРАТУРА

- Андросов В.И. (1833). О предметах и современном состоянии экономии политической [Androsov V.I. (1833). On the Subjects and the Current State of Political Economy] // *Телескоп*. № 14. С.129-168.
- Аникин А.В. (1985). *Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса* [Anikin A.V. (1985). The Youth of Science. Life and Ideas of Thinkers-Economists before Marx]. — М.: Политиздат.
- Аникин А.В. (1965). Адам Фергюсон и Адам Смит [Anikin A.V. (1965). Adam Ferguson and Adam Smith] // *Вопросы истории*. № 5. С. 212–214.
- Банерджи А., Дюфло Э. (2021). *Экономическая наука в тяжелые времена. Продуманные решения самых важных проблем современности* [Banerjee A., Duflo E. (2021). Economics in hard times. Thoughtful Solutions to the Most Important Problems of Our Time]. — М.: Издательство Института Гайдара; СПб: Факультет свободных искусств и наук СПбГУ.
- Бекетов Ф.А. (1818). *Рассуждение об основаниях, постепенном ходе и пользе экономии политической* [Beketov F.A. (1818). A Discourse on the Foundations, Gradual Course, and Usefulness of Political Economy]. — М.: Университетская типография.
- Бланки Ж.А. (1869). *История политической экономии в Европе*. Т. 2 [Blanke Zh.A. (1869). History of Political Economy in Europe]. — СПб.: Тип. Н.И.Глазунова.
- Блауг М. (2004). *Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют* [Blaug M. (2004). Methodology of Economic Science, or How Economists Explain]. — М.: НИИ Журнал «Вопросы экономики».
- Валлерстайн И. (2015). *Мир-система Модерна*. Т. 1. *Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI в.* [Wallerstein I. (2015). The world-system of Modern. Vol. 1. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the 16th Century]. — М.: Ун-т Дмитрия Пожарского.
- Гловели Г.Д. (2017). Н.П. Огановский: закономерность аграрной эволюции и пробелы формационного подхода [Gloveli G.D. (2017). N.P. Oganovsky: Regularity of Agrarian Evolution and Gaps in the Formational Approach] // *Вопросы политической экономии*. № 2. С. 38-52.
- Кенэ Ф. (1960). *Избранные экономические произведения* [Quesnay F. (1960). Selected Economic Works]. — М.: Соцэкгиз.
- Киреев А. (2003). Пионеры международной экономики // *Вехи экономической мысли*. Вып. 6 [Kireev A. (2003) Pioneers of the international economy]. — СПб.: Экономическая школа.
- Кондратьев Н.Д. (2002). *Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения: Избранные труды* [Kontratiev N.D. (2002). Large Conjunction Cycles and the Theory of Foresight. Selected Works]. — М.: Экономика.
- Косачевская Е.М. (1971). *М.А. Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX в.* [Kosachevskaya E.M. (1971). M.A. Balugyansky and St. Petersburg University in the First Quarter of the 19th Century]. — Л.: Изд-во ЛГУ.

- Кулишер И.М. (1923). *Очерк истории русской торговли* [Kulisher I.M. (1923). *Essay on the History of Russian Trade*]. — Пг: Атеней.
- Манту П. (1937). *Промышленная революция XVIII столетия в Англии* [Mantu P. (1937). *The Industrial Revolution of the 18th century in England*]. — М.: Соцэкгиз
- Марков И.Г. (1929). *Ж.-Б. Сэй (ЖЗЛ)* [Markov I.G. (1929). *J.-B. Say*]. — М.: Московский рабочий.
- Махов В. (2016). *Счастливый клевер человечества: Всеобщая история открытий, технологий, конкуренции и богатства* [Makhov V. (2016). *Humanity's Lucky Clover: A General History of Discovery, Technology, Competition, and Wealth*]. — М.: Альпина Паблишер.
- Огановский Н.П. (1909) *Закономерность аграрной эволюции. Т. 1.* [Oganovsky N.P. (1909). *Regularity of Agrarian Evolution*]. — Саратов: Сотрудничество.
- Одоевский В.Ф. (1975). *Русские ночи* [Odoevsky V.F. (1975). *Russian Nights*]. — М.: АН СССР.
- Ольсевич Ю. Я. (2003). *О специфике национальной школы экономической мысли в России // Очерки истории российской экономической мысли.* / Под ред. Л.И.Абалкина [Olsevich Yu. Ya. (2003) *On the specifics of the national school of economic thought in Russia*]. — М.: Наука.
- Онищук С. В. (1995). *Исторические типы общественного производства. Политическая экономия мирового исторического процесса* [Onischuk S.V. (1995). *Historical types of social production. Political economy of the world historical process*]. — М.: ИФВЛ РАН.
- Радлов Э.Л. (1911). *Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии* [Radlov E.L. (1911). *Philosophical Dictionary of Logic, Psychology, Ethics, Aesthetics and the History of Philosophy*]. — СПб.: Брокгауз и Ефрон.
- Райнерт Э. (2011). *Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными* [Reinert E. (2011). *How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor*]. — М.: ИД ГУ-ВШЭ.
- Розанваллон П. (2007). *Утопический капитализм. История идеи рынка* [Rosanvallon P. (2007). *Utopian Capitalism. The History of the Idea of the Market*]. — М.: НЛО.
- Ронкалья А. (2018). *Богатство идей: история экономической мысли* [Roncaglia A. (2018). *A Wealth of Ideas: a History of Economic Thought*]. — М.: ИД НИУ ВШЭ.
- Румянцев Н. П. (2011). *О разуме тарифа. Всеподданнейшая записка министра коммерции императору Александру I. 1804 // Лопатников В.А. Каницлер Румянцев (ЖЗЛ)* [Rumyantsev N.P. (2011). *On the Reason of the Tariff. The Most Submissive Note of the Minister of Commerce to Emperor Alexander I. 1804*]. — М.: Молодая гвардия. С. 288-297.
- Смит А. (2007). *Исследование о природе и причинах богатства народов* [Smith A. (2007). *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*]. — М.: ЭКСМО.
- Сэй Ж.Б. (1896). *Трактат политической экономии* [Say J.B. (1896). *Treatise of Political Economy*]. — М.: Изд. К.Т. Солдатёнкова.
- Цвайнерт Й. (2008). *История экономической мысли России. 1805-1905* [Zweinert J. (2008). *History of Economic Thought in Russia. 1805-1905*]. — М.: ИД ГУ-ВШЭ.
- Чурпов А.И. (1918). *История политической экономии* [Churpov A.I. (1918). *History of Political Economy*]. — М.: М. и С. Сабашниковы.
- Шильдер Н.К. (1903). *Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Т. 1* [Schilder N.K. (1903). *Emperor Nicholas I, His Life and Reign*]. — СПб.: А.С. Суворин.
- Штейн В.М. (1924). *Развитие экономической мысли. Т. 1. Физиократы и классики* [Stein V.M. (1924). *The Development of Economic Thought. Vol. 1. Physiocrats and Classics*]. — Л.: Сеятель.
- Шторх А.К. (2008). *Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие* [Storkh A.K. (2008). *A Course of Political Economy, or an Exposition of the Principles that Determine the Well-Being of the People*]. — М.: ИД «Экономическая газета».
- Якоб Л.Г. (1817). *Народное хозяйство. Для гимназий Российской империи* [Jacob L.G. (1817). *National economy. For gymnasiums of the Russian Empire*]. — СПб.: Главное управление училищ.
- Якутин Ю.В. (2008). *А. К. Шторх — первый российский академик в области политэкономии и статистики* [Yakutin Yu.V. (2008). *A. K. Shtorkh - the first Russian academician in the field of political economy and statistics*] // *Вопросы экономики.* №6. С. 118-127.
- Blaug M. (1985). *Economic Theory in Retrospect.* 4th ed. — Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press.
- Gide C. & Rist, C. (1909). *Histoire des doctrines économiques depuis les physiocrates jusqu'à nos jours.* — Paris: L. Larose & L. Tenin. (In French).
- Ingram J. K. (1902). *A History of Political Economy.* — N.Y.: The Macmillan Company.
- McCulloch J. R. (1824). *A Discourse on the Rise, Progress, Peculiar Objects, and Importance, of Political Economy: Containing an Outline of a Course of Lectures on the Principles and Doctrines of That Science.* — Edinburgh.
- McGrew R. (1976). *Dilemmas of Development: Baron Heinrich Friedrich Storch (1766- 1835) on the Growth of Imperial Russia // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* Vol. 24. No. 1. \S. 31-71. (In German).
- Ricardo D. (1817). *On the Principles of Political Economy and Taxation* — London: John Murray, Albermarle street.

Гловели Георгий Джемалович

glovelig@mail.ru

Georgii Gloveli

Professor, National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia

Минаева Елизавета Алексеевна

eaminaeva_1@edu.hse.ru

Elizaveta Minaeva

Student, National Research University «Higher School of Economics»

**THE CRITICAL AND NON-CRITICAL SMITHIANISM OF HEINRICH STORCH,
OR THE RIGHT AND LEFT HANDS OF THE «SYSTEM OF NATURAL FREEDOM»**

Abstract. The article analyzes the multifaceted but contradictory legacy of the first Russian academician political economist Heinrich (Andrey Karlovich) Storch in the context of the institutionalization of political economy in Russia and Europe. The contradictions in Storch's teaching are shown both as a critic and as a true follower of Adam Smith. Special attention is paid to the formulation of the principle of comparative advantages in international trade by Storch earlier by D. Ricardo and to the one-sidedness of conclusions from this principle.

Keywords: *physiocracy, Smithianism, Grand culture of agriculture (multi-field crop rotation), fixed capital, biens internes, international trade, the principle of comparative advantages, the “right hand and shuytsa” of the market.*

JEL: B13, B17, B31, B40, N13, F10

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гловели Г.Д., Минаева Е.А. Критическое и некритическое смитианство Генриха Шторха, или Десница и шуйца «системы естественной свободы» // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 1. С. 32–45. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_32_45.

FOR CITATION: Gloveli G.D., Minaeva E.A. The Critical and Non-Critical Smithianism of Heinrich Storch, or The Right and Left Hands of the «System of Natural Freedom» // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2023. No. 1. Pp. 32–45. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_32_45.